

Будущее контроля над вооружениями: исходные коды к обновлённой концепции

The future of arms control: source codes for an updated concept

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-4-160-179

УДК: 327

Получено: 30.09.2025

Одобрено: 11.11.2025

Опубликовано: 25.12.2025

Мизин В.И.

Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра международной безопасности, ФГБ НУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук», г. Москва
e-mail: vmizin@hotmail.com

Mizin V.I.

Candidate of History Sciences, Leading Researcher, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow
e-mail: vmizin@hotmail.com

Аннотация

Целью статьи видится изучение комплекса проблем, относящихся к концепции и практической реализации контроля над вооружениями, что во многом определит формирование структуры международной безопасности для будущих десятилетий. Представляется, что контроль над ядерными вооружениями утратил свое место в современном ландшафте безопасности. Его возрождение, безусловно, необходимо для поддержания стратегической стабильности в мире. Однако для этого контроль над вооружениями должен адаптироваться к сегодняшним геополитическим и технологическим реалиям, изменившимся военно-стратегическими взаимоотношениями миропорядка после первой «холодной войны». При написании статьи использовался комплексный междисциплинарный подход, позволивший использовать такие *методы*, как аналогия и моделирование, анализ и синтез, сравнительный анализ, дедукция и индукция, позволившие охарактеризовать отдельные элементы в подходах отечественных и американских исследователей к данному комплексу проблем. *Выводы* исследования состоят в необходимости приоритетного продвижения при активной роли России вопросов контроля над вооружениями. *Теоретическая значимость* работы состоит в проведении содержательного экскурса в сложную проблематику контроля над вооружениями, где сталкиваются ключевые интересы ведущих мировых держав. *Практическое значение* имеют конкретные предложения – ряд перспективных инициативных развязок для формирования подходов российской дипломатии на данном направлении на будущее.

Ключевые слова: глобальная безопасность, контроль над вооружениями, стратегическая стабильность, противоракетная оборона, Новый Договор по СНВ, ДВЗЯИ, ДРСМД, ПРО, Россия, США, ядерная война.

Abstract

The purpose of the article is to analyze a set of problems related to the concept and practical implementation of arms control, which will largely determine the formation of the international security structure for future decades. Any restraints on nuclear weapons' modernization are not

a global security policies' priority anymore. Thus, urgent coordinated measures are imperative to restore this crucial process. They should take account of today's geopolitical and technological realities, as well as the changed military-strategic relations of the world order after the first cold War. When writing the article, a comprehensive interdisciplinary approach was used, which made it possible to use methods such as analogy and modeling, analysis and synthesis, comparative analysis, deduction and induction, which made it possible to characterize individual elements in the approaches of Russian and American researchers to this set of problems. The conclusions of the study are the need for priority promotion of arms control issues with Russia's active role. The theoretical significance of the work is to provide a meaningful insight into the complex issues of arms control, where the key interests of the leading world powers collide. Concrete proposals are of practical importance – a number of promising initiatives for shaping the approaches of Russian diplomacy in this area for the future.

Keywords: global security, arms control, strategic stability, nuclear war, missile defense, New START Treaty, CTBT, INF, missile defense, Russia, USA, cold war.

Введение

Коллапс привычного миропорядка

Системный и фактически признанный мировым экспертным и политическим сообществом кризис всего комплекса договорной основы контроля над вооружениями, включая неясные перспективы Нового (Пражского) Договора по СНВ 2010 г.¹, внушает серьезную тревогу относительно выстраивания будущих канонов международной безопасности, а также перспектив взаимоотношения России и западных партнеров-контрагентов. Беспрецедентное по жесткости противостояние России с ведущими державами Запада будет только усиливаться в ближайшие годы. Москва позиционирует себя лидером сопротивления попыткам глобалистского доминирования Запада. А западное «глубинное государство», очевидно, нацелено на слом или, по меньшей мере, тотальную изоляцию, остракизм и геополитическое поражение действующего российского режима – поскольку перспектива его благоприятной трансформации в совместимое с западными ценностями и идейно-политическими ориентирами сообщество там исключена. Сам режим рассматривается практически нелегитимным, так как не только нарушает все известные каноны «реальной демократии», но и возглавляется выходцами из неосуждённой, как «Штази», «преступной» советской организации – КГБ. Утверждается, что, в отличие от стран Восточной Европы, в России не случилось кампаний по декоммунизации², люстраций, запретов на профессии для коммунистических аппаратчиков и силовиков, реформирования компартии и реального – экономики в целом на социально-рыночной основе – что чуть ли не сохранило страну в образе «Советского Союза без коммунизма» с его аннексионистскими наклонностями, особенно в прилежащем постсоветском ареале.

Поэтому к Москве, особенно в связи с украинским конфликтом, вообще неприменимы какие-либо международно-правовые нормы, задача стоит в превращении ее в мирового изгоя и изоляцию от нынешних «дружественных государств», прежде всего Китая и Индии, ближневосточных и латиноамериканских стран, идёт и борьба за нивелирование её влияния на т.н. «Глобальном Юге». Вопреки оптимистичным прогнозам ряда наших экспертов будет продолжаться навязывание неправомерных односторонних санкций и расширения уже

¹ В России Новый (Пражский) Договор по СНВ 2010 г. – New START у нас зачастую продолжают именовать «СНВ-3», иногда просто «Пражским», хотя это другой договор, но с таким же названием (Рамочный СНВ-3, START-III) был выработан еще в 1997 г., но не ратифицирован. The START III Framework at a Glance. Arms Control Association. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.armscontrol.org/factsheets/start3>; URL https://en.wikipedia.org/wiki/START_III (дата обращения: 30.09.2025).

² «Попытка декоммунизации России привела к десталинизации». Интервью с Сергеем Соловьёвым –главным редактором журнала «Скепсис», главным специалистом РГАСПИ. 04.052018. «Россия в глобальной политике». [Электронный ресурс]. URL. <https://globalaffairs.ru/articles/popyтка-dekommunizaczii-v-rossii-privela-k-krahu-destalinizaczii> (дата обращения: 30.09.2025).

введенных³. Особого внимания заслуживает якобы военный потенциал Москвы как возможного агрессора против оплота западной безопасности – НАТО и европейских стран. Однако от диалога по этой тематике, пытаясь выторговать выгодные для себя позиции даже в формате противостояния, ведущие центры Запада не отказываются. Поэтому и российской внешней политике было бы небесполезно, полагаем, переосмыслить и переформулировать свое видение контроля над вооружениями в новых условиях миропорядка – с тем, чтобы быть готовыми к возобновлению диалога с Западом после украинского замирения, алгоритмы которого уже намечены в отечественной политической науке⁴.

Обзор научной литературы

Теоретические основы понятия контроля над вооружениями были заложены в основополагающих исследованиях А. Уолстеттера [27], Г. Кана [19], Т. Шеллинга и М. Гальперина [25 с. 211–234], Б. Броди⁵, Г. Киссинджера, Дж. Ратженса, Г. Роуэна, Р. Макнамары [25] в послевоенный период 1950-60 гг.⁶ Важный вклад в разработку концептуальной основы этой проблематики внесли российские академики Г. Арбатов, А. Арбатов [3], В. Барановский, В. Журкин, А. Кокошин [10], С. Рогов, члены-корреспонденты РАН Ф. Войтоловский и Ал. Громыко, а также такие ведущие специалисты, как А. Антонов [1], В. Батюк [5], К. Богданов [6], Н. Бубнова [7], В. Веселов, В. Дворкин [10], П. Золотарев [9], С. и А. Картуновы, О. Криволапов, С. Ознобищев, А. Савельев, Д. Стефанович и другие. В западной, особенно американской политологии отметим многочисленные исследования таких специалистов, как Л. Брукс [14], Р. Готемёллер [16], Э. Иффт [18], С. Миллер [20], Дж. Эктон [13], предлагающих продуманные варианты решений в сфере ограничения ядерного оружия. Эти работы внесли существенный вклад в аналитику комплекса проблем контроля над ядерными вооружениями. Примечательно, что и сегодня многие из них не прерывают особенно полезного в нынешних условиях академического общения с российскими учёными.

Методы

В статье использовался комплексный междисциплинарный подход, позволивший совместить большой спектр научных методов, таких как аналогия и моделирование, анализ и синтез, сравнительный анализ, дедукция и индукция, чтобы рассмотреть и охарактеризовать отдельные элементы парадигмы контроля над вооружениями. Ключевое место заняли методы анализа и синтеза данных, включая изучение и систематизацию информации о нынешнем статусе ядерного противостояния России и США. Применение исторического метода позволило рассмотреть проблематику в её эволюции, проанализировать и перспективы развития темы – с учетом предыдущего военно-политического контекста. Немалую роль сыграл в работе компаративный анализ, сравнивающий позиции России и США. Это дало автору ключи для рассмотрения возможных развязок по данному направлению, которые могли бы, полагаем, использоваться российской стороной в будущем – при условии складывании благоприятных возможностей для такого диалога. Синергия таких подходов позволила более углубленно подвергнуть разбору взятую тему, имеющую кардинальную важность для глобальной стратегической безопасности и взаимоотношения двух ведущих мировых держав.

³ Пленарное заседание съезда РСРП. Владимир Путин принял участие в работе ежегодного съезда Российского союза промышленников и предпринимателей. 18 марта 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76474> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ Мизин В.И. Россия – Европа в полицентричном мире: императив новых подходов к конструктивному диалогу // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. №3. С. 99-100 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaru.ru/storage/viewWindow/176278> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵ Brodie B. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New Haven. Yale Institute of International Studies. 1946.

⁶ Jervis R., Arms Control, Stability, and Causes of War // *Political Science Quarterly*. 1993, V. 108, №. 2, pp. 239-253 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/2152010?origin=crossref> (дата обращения: 30.09.2025).

Результаты анализа

Коллапс контроля над вооружениями

Решение российского президента приостановить участие в ДСНВ в начале февраля 2023 г. из-за деструктивного, недружественного курса США озадачило американскую администрацию, подчеркнув тогда коллапс двусторонних отношений. Позиция России подчеркивала невозможность выделения проблематики вопросов стратегических ядерных вооружений из общего контекста двусторонних взаимоотношений и их решения - в рамках пресловутой «компартиментализации» - без учёта расширяющегося и дестабилизирующего ситуацию вмешательства США в конфликт на Украине, хотя и подтверждала готовность к восстановлению диалога в случае изменения американских подходов, признания ключевых российских требований⁷.

Проблематика ограничения ядерных вооружений, к сожалению, сегодня не является приоритетной политической темой ведущих государств мира, утратила свое центральное, непререкаемое в 70-80-е годы прошлого века значение среди рассмотрения и купирования важнейших глобальных вызовов. Более того, в экспертном сообществе и у нас (например, С. Караганов, Д. Сулов, А. Кортунов), и на Западе все большему сомнению подвергаются так называемые «классические» подходы к решению задачи контроля над вооружениями, который иногда объявляется даже реликтом «эпохи холодной войны». При этом высказываются пожелания проводить обсуждение вопросов контроля над вооружениями не в традиционном формате переговоров, а в рамках различного рода конференций и даже на Интернет-сайтах онлайн, на основе установления отношений доверия и ответственности на социально-психологическом уровне⁸.

Безусловно, инструментарий контроля над вооружениями должен и будет адаптироваться к новым реалиям и изменениям в политике ключевых акторов⁹. Однако было бы безрассудно оказываться от переговорного процесса и достижения юридически обязывающих договоренностей с четко выверенными техническими параметрами ограничений. Такой курс препятствовал бы реальным сокращениям военной угрозы и согласованию взаимоприемлемых лимитов на ядерные вооружения, в целом подрывал бы стратегическую стабильность. Подобные никак не закреплённые, не оформленные или даже односторонние меры еще проще, чем заключенные и ратифицированные документы, могут быть в любой момент отброшены при смене настроений, подходов или прихода новой администрации у той или другой стороны - поскольку не вполне ясно, о чём были устные договоренности. Кроме того, совершенно неустановленными становятся параметры предпринимаемых акций (хотя неформализованные сделки по типу урегулирования Карибского кризиса и не исключены - но тогда речь шла о «весьма простом» размене). То есть контроль над вооружениями превращался бы в своего рода игровое мероприятие, утратив серьезность и реальное долгосрочное влияние на развитие стратегического потенциала участников.

Сегодня отодвинутый, казалось бы, на периферию мировой политики комплекс проблем контроля над вооружениями, прежде всего ядерных, вновь вернулся в эпицентр мировой политики в ситуации обострения украинского кризиса и противостояния по нему России и ведущих сил Запада. Всё это усиливает ядерную конфронтацию и как бы делает

⁷ Мизин В.И. Несбывшиеся надежды: Ядерная стратегия и политика контроля над вооружениями администрации Дж. Байдена // Пути к миру и согласию. 2024. №2. С. 194-214. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.imemo.ru/publications/periodical/pmb/archive/2024/2-67/arms-and-military-security/failed-hopes-the-biden-administrations-nuclear-strategy-and-arms-control-policy> DOI: 10.20542/2307-1494-2024-2-194-214 (дата обращения: 30.09.2025).

⁸ Kuhn U. and Williams H. New Approach to Arms Control. *How to Safeguard Nuclear Weapons in an Era of Great-Power Politics*. "Foreign Affairs". June 14, 2023. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.foreignaffairs.com/united-states/new-approach-arms-control> (дата обращения: 30.09.2025).

⁹ Williams H. Three-Dimensional Arms Control. A Thought Experiment. Public Interest Report. Vol. 69. Vol. 2. FAS. [Электронный ресурс]. URL. https://uploads.fas.org/2016/06/HeatherWilliams_CreativeArmsControl_FINAL.pdf (дата обращения: 30.09.2025).

контроль над ядерным оружием малоперспективным. Встает вопрос уже в чисто практическом плане: что же делать дальше? Поэтому анализ эволюции и уже отработанных параметров контроля над вооружениями был бы весьма полезен и даже необходим в контексте нынешнего состояния отношений между Россией и ведущими странами Запада - при выстраивании рамок новых таких процессов, - когда для этого создадутся необходимые условия рано или поздно.

Дефиниции, с помощью которых даются определения контроля над вооружениями

Концепция, то есть система взглядов и понятий **контроля над вооружениями** богата множеством толкований и определений¹⁰. До середины XX-го века контроль над вооружениями был синонимом **разоружения** [2]. Последнее подразумевает всеобщее уничтожение систем вооружений по гуманитарным, геополитическим либо экономическим соображениям. Здесь мы не рассматриваем тему «разоружения» - то есть полной ликвидации какого либо вида вооружений, например, химоружия или ракет средней/меньшей дальности наземного базирования, в свое время запрещенных для России и США Договором по РМСД 1987 г. Сегодня о так долго продвигаемой советской дипломатией концепции **всеобщего и полного разоружения** вообще не принято упоминать в политологическом дискурсе, если только не в текстах международных деклараций конференций, вроде Обзорных конференций ДНЯО, или в преамбулах еще сохранившихся договоров по данной тематике. Десятая Спецсессия ГА ООН в 1978 г. определила всеобщее и полное разоружение как *«сбалансированное сокращение вооруженных сил и обычных вооружений, основанное на принципе не нанесения ущерба безопасности сторон в целях содействия или укрепления стабильности, учитывающий необходимость всех государств защищать свою безопасность»*¹¹. Ядерное же разоружение означает процесс сокращений, ведущий к полной ликвидации ядерного оружия и обретение государствами безъядерного статуса. Понятно, что уничтожение ядерного оружия ведущими державами пока что, несмотря на давление многих не имеющих его стран, – просто нереально¹². Обычно, трактуя процесс разоружения, учёные-политологи вспоминают, что в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 г. обязывает его стороны «вести переговоры в духе доброй воли о разоружении», что уже давно признано юридически обязывающей правовой нормой. Впоследствии на Обзорной конференции ДНЯО 2000 г. были сформулированы «13 практических шагов» по выполнению его задач¹³.

Контроль над вооружениями - как не тождественный разоружению - явно более реалистичен¹⁴. В «Британской энциклопедии» дается такое определение: *«Контроль*

¹⁰ Maurer J., The Purposes of Arms Control. *Texas National Security Review*. V. 2, № 1.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/items/6971135b-5bc5-4dec-8b9c-a41ebcdf6ee4> (дата обращения: 30.09.2025); «Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях» / Под ред. акад. А.Г. Арбатова. - М. ИМЭМО РАН, 2020. - 177 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-04.pdf> (дата обращения: 30.09.2025); Greenhalgh L. Relationships in Negotiations/ *Negotiation Journal*. no.3. 1987 pp.235-243 [Электронный ресурс]. URL: <https://direct.mit.edu/ngtn/article/3/3/235/123052/Relationships-in-Negotiations> (дата обращения: 30.09.2025); Chayes A., An Inquiry Into the Workings of Arms Control Agreements, *Harvard Law Review*. V. 85, № 5. 1972. pp. 905-969. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/1339933> (дата обращения: 30.04.2025); Trachtenberg, Marc. The Past and Future of Arms Control. *Daedalus*, 1991, pp. 203-216. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/20025364.pdf?refreqid=fastly> (дата обращения: 30.09.2025).

¹¹ Заключительный документ Десятой специальной сессии ГА ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr/0107/57/pdf/nr010757.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

¹² Мизин В.И. Будущее в прошлом: будет ли мир безъядерным? К новым горизонтам процессов контроля над вооружениями. - М. МГИМО. 2019. - 254 с (глава 7. «Безъядерные мечтания?», с. 202-220).

¹³ The Final Document of the 2000 Review Conference of the Parties to the Treaty of the Non-proliferation of Nuclear Weapons (NPT/CONF. 200/28 part I and II). [Электронный ресурс]. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/assets/WMD/Nuclear/pdf/finaldocs/2000%20-%20NPT%20.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁴ Своего рода творческим итогом вклада российских ученых в разработку концептуальной основы контроля над вооружениями стала монография исследователей ЦМБ ИМЭМО РАН «Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях» / Под редакцией директора Центра академика

над вооружениями - любой международный контроль или ограничение разработки, испытаний, производства, развертывания или применения оружия, основанные на предпосылке, что дальнейшее существование определенных национальных военных учреждений неизбежно. Эта концепция подразумевает определенную форму сотрудничества между, как правило, конкурирующими или антагонистическими государствами в области военной политики, направленную на снижение вероятности войны или, в случае ее возникновения, на ограничение ее разрушительного характера. В широком смысле контроль над вооружениями вытекает из исторической практики государств в области разоружения, которая, начиная с 20-го века, характеризуется большим количеством успехов и неудач. Однако более узкое определение каждого термина раскрывает ключевые различия между разоружением и контролем над вооружениями. Полное или всеобщее разоружение может включать в себя ликвидацию всего военного потенциала страны»¹⁵.

Остановимся подробнее на данной теме такого различия, - поскольку зачастую и в отечественных, и в зарубежных источниках понятия нередко смешиваются. В то время как соглашения о разоружении обычно прямо запрещают владение или производство оружия, соглашения о контроле над вооружениями часто исходят лишь из установления ограничений на испытания, развертывание или использование ряда определенных типов оружия. К концу XX-го века термин «контроль над вооружениями» зачастую использовался для обозначения вообще любого соглашения о разоружении или ограничении вооружений. Один из видных западных теоретиков Колин Грей утверждал 30 лет назад, что «контроль над вооружениями возможен только тогда, когда в нем нет необходимости», и, как следствие, что он неосуществим, когда нужен»¹⁶, продолжая логику можно полагать, что он невозможен именно тогда, когда особенно нужен.

Безусловно, уже давно назрели возрождение и адаптация контроля над вооружениями, трансформация классической парадигмы стратегической стабильности, принимая во внимание нынешнюю ситуацию в международных отношениях. Тем более что имеется огромное количество отечественных и зарубежных наработок со сценариями возможного спасения таких процессов и по нахождению компромиссных решений по конкретным направлениям [3], [15]. Вряд ли нужно ждать какого-то масштабного кризиса типа «нового Карибского», поставившего бы мир на грань катастрофы посильнее украинского, - хоть это и пугающе опасно, - чтобы заставить мировых лидеров отрешиться от привычных стереотипных догм, – дабы человечество охватила «дрожь и оторопь» от неминуемых последствий. С другой стороны, контроль над вооружениями уже вплетен в схематику глобальной трансформации на фоне усиливающегося соревнования России, Китая и ведущих центров Запада под эгидой США.

Исторические предпосылки

Идейное наполнение концепции осуществлялось эволюционно¹⁷. Исторически, если не брать в расчет правила войны как взаимного страхования племенной организации

А.Г. Арбатова. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условия. - М.: ИМЭМО РАН. 2020. - 177 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-04.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁵ Encyclopedia Britannica. Arms Control. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/topic/arms-control> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁶ Gray C. Arms Control Does Not Control Arms. *Orbis*. 1993, V. 37, I. 3, p. 343.

¹⁷ Grahame D. and Mendelsohn J. (ed.). Arms Control Chronology (Washington, D.C.: Center for Defense Information, 2002; L. Schenck and Youmans R. From Start to Finish: A Historical Review of Nuclear Arms Control Treaties and Starting over the New START. *Cardozo Journal of International Law & Comparative Law*. no. 20 2012, pp. 399-436. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.gwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1104&context=faculty_publications (дата обращения: 30.04.2025).

«Амфикионий» в Древней Греции¹⁸ или средневекового католического движения Мира Божьего - Перемирия Божьего (The Peace and Truce of God- Pax et treuga Dei) 10-12 вв.¹⁹, или прекраснотдушный наивный запрет папы Иннокентия II на применение луков и арбалетов против христиан (29 канон Второго Латеранского собора 1139 г.)²⁰, то в период до начала 19-го века было достигнуто совсем немного официальных соглашений о контроле над вооружениями (естественно, ни в античном мире, ни в Средние века или даже в эпоху Возрождения никто всерьёз не помышлял о «всеобщем и полном разоружении!»). Одним из заключенных договоров Нового времени было Страсбургское соглашение 1675 г. между Францией и Священной Римской империей в ходе франко-голландской войны - первый международный договор, ограничивающий использование химического оружия, в данном случае отравленных пуль²¹.

Договор Раша-Багота 1817 г. между США и Великобританией о демилитаризации региона Великих озер и озера Шамплейн в Северной Америке явился первым соглашением о контроле над вооружениями уже индустриальной эпохи²². Как бы в соответствии с положениями классика марксистской теории Ф. Энгельса о взаимосвязи развития военного дела с совершенствованием производительных сил и производственных отношений²³, промышленная революция 19 в. с появлением тяжелой машинной индустрии привела к росту механизации войны, созданию новых смертоносных средств разрушения на базе совершенствования огнестрельного оружия и артиллерии, позднее широко применявшихся в Первой мировой войне. Настоящим прорывом в попытках ограничения ужасов и разрушительных последствий войн, придания их ведению какого-то благообразия, первой реальной попыткой упорядочивания ведения боевых действий государств стали документы Гаагской конвенции 1899 г., заключенные по инициативе императора Николая II на Первой Гаагской конференции (26 стран их подписавших в том году²⁴). Она впервые в Новейшем времени зафиксировала правила объявления и ведения войны, а также использования современного оружия, привела к созданию Постоянной палаты третейского суда. Кстати говоря, Россия в тот период пользовалась безусловным влиянием в Европе, если не в мире - в противоположность уверениям советской историографии. Непосредственной причиной такой инициативы стало осознание царским правительством непомерной тяжести военных расходов и новой гонки вооружений. Хотя эта, как и последующие Гаагские конференции не смогли реально ограничить вооружения, они приняли ряд немаловажных лимитов и норм в отношении принципов ведения войн. Так, Гаагская конвенция одобрила запреты на использование удушливых газов и расширяющихся пуль (дум-дум) и сброс снарядов или взрывчатых веществ с воздушных шаров, хотя ни одно из этих соглашений и не соблюдалось во время Первой мировой войны.

После первого ошеломившего применения германскими войсками для обеспечения прорыва химического оружия 22 апреля 1915 г. у города Ипр в Бельгии за всю войну были использованы тысячи тонн хлора, а в 1917 г. - иприта и других отравляющих веществ, повлекших мучительную смерть тысяч военнослужащих и почти миллион сделавших инвалидами. Италия применила такие ОВ в войне в Абиссинии. Ирак и Иран использовали

¹⁸ Белох Ю. Греческая история: в 2 т. Т. 1: Кончая софистическим движением и Пелопоннесской войной. 3-е изд. - М. 2009. - 512 с.

¹⁹ Backman, Clifford R. The worlds of medieval Europe. 4th Ed. Oxford University Press, Oxford, UK.2003.

²⁰ Second Lateran Council. Canons. [Электронный ресурс]. URL. legionofmartytidewater.com/faith/ECUM10.HTM (дата обращения: 30.04.2025).

²¹ Coleman K. A History of Chemical Warfare. New York: Palgrave Macmillan. 2005.p. 7.

²² Rush-Bagot Pact, 1817 and Convention of 1818. [Электронный ресурс]. URL:https://history.state.gov/milestones/1801-1829/rush-bagot (дата обращения: 30.09.2025)

²³ Энгельс Ф. «Анти-Дюринг». III глава второго отдела. Теория насилия. [Электронный ресурс]. URL. https://marx-engels.su/20.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

²⁴ Рыбаченок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. - М.: РОССПЭН. 2005. - 391 с.

химические ОВ в «войне городов» в 80-х. гг.²⁵ Уже в наше время в ходе гражданской войны в Сирии США обвинили в 2013 г. режим Б. Асада в применении химоружия против мирного населения²⁶. Разработанный для предотвращения подобных Ипрской массовых трагедий Женевский протокол 1925 г., запретил применение удушливых и ядовитых газов и бактериологического (биологического) оружия во время войны²⁷. Интересно, что целый ряд стран подписали протокол с оговорками, сохранив право применять химическое оружие против стран, не присоединившихся к соглашению, или в ответном ударе. Однако он не применялся к внутренним конфликтам или гражданским войнам, — это не помешало командиру РККА М. Тухачевскому применить химические ОВ против антибольшевистского Тамбовского крестьянского восстания²⁸. По итогам Первой мировой войны Вашингтонская конференция (1921–1922 гг.) достигла соглашения об ограничении вооружений и контроле над вооружениями, направленного на прекращение гонки военно-морских вооружений между ведущими мировыми державами. Соединенные Штаты, Великобритания, Япония, Франция и Италия согласились по Вашингтонскому морскому соглашению 1922 г. или «Договору Пяти держав» ограничить количество и тоннаж своих крупных боевых кораблей - линкоров и авианосцев в неравном соотношении -5:5:3:1,75:1,75, ликвидировав их излишки. Однако уже на Лондонской морской конференции (1930 г.) Италия и Франция отказались согласиться на продление соглашения, а Япония вышла из него в 1935 г.²⁹

Примечательно, что и сегодня специалисты по контролю над вооружениями рассматривают возможность применения лимитов этого договора с его неравными потолками на потенциалы для разных участников в качестве прецедента для будущих эвентуальных многосторонних соглашений по ограничению ядерных вооружений. Пакт Бриана-Келлога 1928 г. - договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики - несмотря на свою практическую неэффективность и наивность, нацеливался его авторами на «достижение отказа от войны как инструмента национальной политики»³⁰. В стремлении предотвратить нависавшую угрозу интервенции западных держав к документу присоединился и СССР. Ключевые положения пакта, ставшего одной из первых попыток правового ограничения применения вооруженной силы, осуждения обращения к войне для урегулирования международных споров, а также криминализации войны, легли после Второй мировой войны в основу понятия «преступления против мира», ставшего юридической основой проведения Нюрнбергского и Токийского трибуналов над военными преступниками.

Эволюция парадигмы: от формирования к кризису

Итоги Второй мировой войны заставили страны-победительницы устанавливать не только рамки нового миропорядка, в том числе и на базе Устава ООН, но и разрабатывать новые концепции военной стратегии и теории - с учетом опыта прошедших боевых действий и «новых реалий ядерного века». Полезно рассмотреть вкратце эту трансформацию, ибо это

²⁵ Ali Javed, Chemical Weapons and Iran-Iraq war: Case study in Noncompliance, *Nonproliferation Review*. Spring 2001[Электронный ресурс]. URL. <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/81ali.pdf> (дата обращения: 30.09.2025); Murauskaite E. Saddam's Use of Violence against Civilians during the Iran-Iraq War. *Middle East Journal*, V. 70, № 1. Winter 2016, pp. 47-68 (дата обращения: 30.09.2025).

²⁶ A Weapon Seen as Too Horrible, Even in War. *New York Times*. September 2013. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.nytimes.com/2013/09/07/world/middleeast/a-weapon-seen-as-too-horrible-even-in-war.html> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁷ Geneva Protocol. *FAS: Weapons of Mass Destruction. Federation of American Scientists*. [Электронный ресурс]. URL. <https://nuke.fas.org/control/geneva/intro.htm> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁸ Химчистка по-тамбовски // Журнал «Родина». 1989. №10. [Электронный ресурс]. URL. <https://memorial.krsk.ru/Public/1994/199405.htm> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁹ Washington Treaty. [Электронный ресурс]. URL. https://www.digitalhistory.uh.edu/disp_textbook.cfm?smtID=3&psid=3995 (дата обращения: 30.09.2025).

³⁰ "Kellogg-Briand Pact 1928". *The Avalon Project*. [Электронный ресурс]. URL. https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kbpact.asp (дата обращения: 30.09.2025).

поможет наметить векторы для эволюции будущей парадигмы контроля над вооружениями. Она досконально проанализирована в отечественной и американской политологии.

Американскими стратегами-теоретиками в ответ на появление ядерного оружия и начало долговременного противостояния с Советским Союзом была начата разработка инновационного понимания стратегической стабильности и новых канонов военного дела. В этой ситуации, контроль над вооружениями представлялся ими как своего рода сопутствующий атрибут новой концепции сдерживания-устрашения с её тезисом «взаимного гарантированного уничтожения» в случае ядерного нападения. Опасения в отношении разрушительных последствий ядерного конфликта - на фоне недавно пережитых Европой ужасов войны - привели к осознанию необходимости выработать какие-то алгоритмы ее недопущения в будущем. И сегодня за исключением популистов-политиков и псевдо-экспертов³¹ последствия ядерного конфликта считаются неприемлемо опустошительными³².

Основоположниками теории контроля над вооружениями и её идеологической основы – концепций сдерживания и стратегической стабильности - Т. Шеллингом и М. Гальпериным, а также Б. Броди, Г. Каном, Г. Киссинджером, Дж. Ратженсом, Г. Роуэном и А. Уолстеттером на рубеже 50-60 гг. во многом на основе теории игр - «игр с ненулевой суммой» - «теории принятия решений и разрешения конфликтов» были сформулированы основные постулаты этой парадигмы в США. Их главные тезисы сегодня общеизвестны и стали практически общеприемлемыми в мировом политологическом и военном сообществе. Отталкивались они при этом от разрабатываемых ими основ концепции ядерного сдерживания, прежде всего на основе баланса сил главных игроков. Стратегическое сдерживание должно было бы обеспечиваться за счет наличия ядерного оружия. И сегодня ведущие американские «разоруженцы» Дж. Шульц, С. Дрелл, Дж. Гудби придают особое значение необходимости ядерного оружия как надёжного инструмента государства в реализации его политики сдерживания³³. В то же время видные эксперты Мак Джордж Банди, адмирал У. Кроу и С. Дрелл, придумав концепцию “defensive last resort,” полагали, что ядерное оружие может применяться лишь в исключительных случаях³⁴.

Таким образом, контроль над вооружениями стал не только элементом, но и как бы противовесом или антиподом доктрины сдерживания и дополнительным инструментом регулирования политики в области вооружений в направлении снижения их уровней и, соответственно, военной угрозы. Эти известные учёные исходили из императива – не допустить ядерной войны между США и СССР, избежать первого разоружающего удара, пресечь бесконтрольную гонку ядерных вооружений и предотвратить распространение ядерного оружия на другие государства, то есть ограничить соперничество в области стратегических вооружений, поставив его в какие-то рамки, - по словам советника президента Дж. Ф. Кеннеди Макджорджа Банди, - «чтобы закрыть крышкой вулкан»³⁵. Тогда ведущие западные стратеги пришли к выводу, что ядерное оружие следует рассматривать

³¹ Scouras J. Nuclear War as a Global Catastrophic Risk. *Journal of Benefit-Cost Analysis*. V. 10. № 2, pp. 274-295. Cambridge University Press, 2 September 2019. DOI:10.1017/bca.2019.16. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-benefit-cost-analysis/article/nuclear-war-as-a-global-catastrophic-risk/EC726528F3A71ED5ED26307677960962> (дата обращения: 30.04.2025).

³² Sharman J. US-Russia nuclear war would kill 34 million people within hours and is increasingly likely. Princeton study concludes: ‘Risk of catastrophic conflict has risen ‘dramatically in the past two years’, academics warn. “Independent”. 18 September 2019. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-russia-nuclear-war-trump-putin-simulation-europe-nato-a9109116.html>. (дата обращения: 30.04.2025).

³³ Goodby J., Drell S.D. *The Gravest Danger: Nuclear Weapons*. Hoover Institute Press Publication, 2003.

³⁴ Bundy, McGeorge, Crowe W. and Drell S.D. *Reducing Nuclear Danger*. Foreign Affairs, Spring 1993. pp. 143-146. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1993-03-01/reducing-nuclear-danger> (дата обращения: 30.09.2025).

³⁵ McGeorge Bundy, “To Cap the Volcano.” *Foreign Affairs*. V. 48, № 1, October 1969. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/cap-volcano>, <https://doi.org/10.2307/20039419> (дата обращения: 30.09.2025).

исключительно как инструмент сдерживания, - но не ведения войны³⁶. Осознание неумолимой логики «ядерного тупика», в частности одним из создателей «парадигмы ядерного века» в США Бернардом Броди, после окончания Второй мировой войны привело к появлению своего рода «нового мышления» в военном деле и стратегии. Его посыл - победа в войне недостижима, и никакая военная выгода не стоит последствий разрушительного ядерного удара. Так был сформулирован «Великий императив» ядерного века: гарантия в случае нападения неотвратимого возмездия агрессору на основе поддержания всегдашней возможности ответного удара, неотвратимость которого и сдерживает агрессора³⁷. *«До сих пор главной целью нашего военного ведомства было выигрывать войны. Отныне его главной целью должно стать их предотвращение. У него не может быть почти никакой другой полезной цели... Поэтому развязывание ядерной войны не приносило бы никакого стратегического преимущества»*³⁸. Позднее такое понимание привело к знаменитой констатации лидеров СССР и США 1985 года: *в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана*³⁹, - подтвержденной по инициативе президента России «большой пятёркой» постоянных членов СБ ООН в 2022 г. В конечном итоге это осознание обеими противоборствующими тогда сторонами предотвратило Третью мировую войну, - несмотря на острейшие кризисы «холодной войны», в частности войны в Корее и Вьетнаме. Как заявил в октябре 2016 г. президент В. Путин: *«Ядерное оружие является фактором сдерживания и фактором обеспечения мира и безопасности во всем мире», его нельзя «рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии»*⁴⁰.

Томас Шеллинг и Мортон Гальперин дали наиболее широко используемое определение контроля над вооружениями в своей классической книге «Стратегия и контроль над вооружениями»: *«Мы считаем, что контроль над вооружениями — это многообещающее, но все еще смутно осознаваемое расширение сферы применения военной стратегии. По сути, это основано на признании того, что наши военные отношения с потенциальными противниками не являются просто конфликтом и противостоянием, а включают в себя существенные элементы взаимной заинтересованности в предотвращении войны, которой не желает ни одна из сторон, в минимизации издержек и рисков, связанных с соревнованием в области вооружений, и в сокращении масштабов и последствий войны в том случае, если она начнется»*.

На протяжении 60-70-х гг. американские стратеги продолжали поиск новых форматов контроля над вооружениями в рамках рассмотрения параметров этого процесса как одного из элементов стратегии сдерживания. Американские политологи даже придумали периодизацию: *Неуправляемое соревнование, 1945–1970 гг.; Гонка к забвению. Управляемое соперничество, 1970–2000 гг.; Формирование архитектуры сдерживания. Прилив обращается вспять, 2000–2018 гг.; Эрозия ядерного порядка*⁴¹. Вот, например несколько менее известных определений контроля над вооружениями, предложенных в период 60-х годов. По мнению видного американского теоретика: *«Главный вопрос заключается*

³⁶ Gray C. An international 'norm' against nuclear weapons? The British case. Comparative Strategy, 2001. no.20, pp.231-233. [Электронный ресурс]. URL. <https://doi.org/10.1080/014959301753228849>(дата обращения: 30.09.2025).

³⁷ Brodie B. Implications for Military Policy, in: Bernard Brodie, Ed. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. New Haven: Yale Institute of International Studies, February 15, 1946.

³⁸ Там же, с. 62.

³⁹ Joint Soviet-United States Statement on the Summit Meeting in Geneva, November 21, 1985. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-soviet-united-states-statement-summit-meeting-geneva> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴⁰ Путин В. «Бряцать ядерным оружием-последнее дело». [Электронный ресурс]. URL. <https://tass.ru/politika/3740162https://ria.ru/20161027/1480165352.html> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴¹ Miller S.E., Legvold R., and Freedman L. Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in a Changing Global Order. American Academy of Arts & Sciences. 2019. [Электронный ресурс]. URL.https://www.amacad.org/sites/default/files/publication/downloads/2019_New-Nuclear-Age_Changing-Global-Order.pdf. p. 6 (дата обращения: 30.09.2025).

в том, сможем ли мы, Советы и другие страны найти способы повысить нашу безопасность, изменив нашу политику в области вооружений, возможно, совместными усилиями. Похоже, у нас много общих интересов. Это подводит нас к определению термина "контроль над вооружениями". Нет ни необходимости, ни желания формулировать точное определение, которое включало бы в себя все, что понимается как "контроль над вооружениями", "ограничение вооружений" или "разоружение", и исключало бы все остальное. Однако в целом полезно рассматривать контроль над вооружениями как совместный или многосторонний подход к политике в области вооружений, при котором "политика в области вооружений" включает в себя не только количество и виды имеющихся вооружений и сил, но **также разработку, развертывание и использование таких сил, будь то в периоды ослабления, в периоды напряженности или в периоды стабильности**⁴². А так определял эту концепцию молодой Г. Киссинджер: «Целью ответственных мер контроля над вооружениями должно быть определение, без сентиментальности, не того, как устранить силы оппонента, а как поддерживать равновесие с ним... Система контроля добавит стабильности, если она усложнит расчеты нападающего и облегчит расчеты обороняющегося. Или, другими словами, цель должна заключаться в том, чтобы увеличить неопределенность относительно возможности успеха в сознании агрессора и уменьшить уязвимость обороняющегося... Первоочередной целью любой схемы контроля над вооружениями должно быть повышение стабильности. Предварительным условием является то, что обе стороны должны стремиться развивать неуязвимые ответные силы»⁴³. Ему вторил другой видный ученый: «Понятие «контроль над вооружениями» включает в себя любое соглашение между несколькими державами о регулировании какого-либо аспекта их военного потенциала или возможностей. Соглашение может применяться к местоположению, количеству, готовности или типам вооруженных сил, вооружений или объектов. Однако, какими бы ни были их масштабы или условия, все планы по контролю над вооружениями имеют одну общую черту: они предполагают определенную форму сотрудничества или совместных действий нескольких участников в отношении их военных программ»⁴⁴. Понятие со временем предсказуемо эволюционировало, как полагали эксперты США уже в 2000 гг., в меры доверия и совместного уменьшения угрозы⁴⁵.

В период «золотого века разоружения» на пике «холодной войны» Россия и Запад сумели находить взаимоприемлемые компромиссные развязки и поддерживать продуктивный дипломатический диалог, которые предотвратили Третью мировую войну, в частности из-за Берлинского и Карибского кризисов, ситуации на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Через год после ввода войск стран ОВД в Чехословакию в 1969 г. в Хельсинки начались переговоры об ограничении стратегических ядерных вооружений, завершившиеся подписанием исторических, фактически первых, документов по контролю над ядерными вооружениями - ОСВ-I (1972 г.) и ОСВ-II (1979 г.), - и всё это несмотря на агрессию США во Вьетнаме. На основе этих договоров позже были подписаны СНВ-I (1991 г.), СНВ-II (1993 г.), парафированы СНВ-III (1997 г.), заключены Московский договор о СНП (2002 г.) и Новый (Пражский) ДСНВ (2010 г.) о сокращении стратегических наступательных вооружений.

⁴² Brennan D.G. Setting and Goals of Arms Control. [Электронный ресурс]. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/20026611.pdf?refreqid=fastly-default%3A2b563921c1ea7d9a2718466f1d4da74b&ab_segments=0%2Fbasic_phrase_search%2Fcontrol&initiator=search-results&acceptTC=1 (дата обращения: 30.09.2025).

⁴³ Kissinger H. Arms Control, Inspection and Surprise Attack. Foreign Affairs. V. 38, № 4. July 1960, pp.557-575. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.foreignaffairs.com/articles/1960-07-01/arms-control-inspection-and-surprise-attack> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴⁴ Bowie R. Basic Requirements of Arms Control. *Daedalus*. 1960, V. 89, I. 4, pp. 708-722. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.jstor.org/stable/20026612> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴⁵ Krepon M. Cooperative Threat Reduction, Missile Defense, and the Nuclear Future. Palgrave. Macmillan. 2003. 304 p.

Историческое значение имели опубликованная 5 января 1986 г. Программа М.С. Горбачева о полной ликвидации ядерного оружия во всем мире - при условии отказа США от программы СОИ - и заключение выросшего из неё, как и Конвенция о ликвидации химоружия, прорывного Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности 1987 г. Так были выработаны на практике основные параметры и форматы **двустороннего контроля над вооружениями**. Обсуждение документов при подготовке Обзорных конференций ДНЯО, заключение в результате долговременных усилий глобальных ДНЯО, КХО, КБО, ДВЗЯИ, соглашения о безъядерных зонах, согласование Хельсинского акта в 1975-1986 гг., Договора ДОВСЕ, Стокгольмского документа 1986 г. и Венского документа 2011 г. о мерах доверия, а также деятельность в формате пяти ядерных государств-членов СБ ООН и Конференции по разоружению позволили выработать ключевые принципы **контроля над вооружениями в многостороннем формате**. В конечном счете эти многолетние усилия позволяют наметить и характеристики контроля над вооружениями в целом.

Во-первых, это не панацея от возможных кризисов. Более того, он может усилить нестабильность при неадекватном или поспешном применении, недостаточном взаимном понимании заключенных договоренностей. Ключевое значение имеет совместный интерес и добрая воля контрагентов. Верификация принятых обязательств является ключевым критерием. Контроль над вооружениями включает все формы сотрудничества между потенциальными противниками в интересах снижения вероятности возникновения войны, ограничения ее масштабов при возникновении, а также политических и экономических издержек, связанных с подготовкой к обороне. Должен вовремя обнаруживать попытки обмана, имеющих важное военное значение, чтобы нарушитель договоренности не смог извлечь из этого выгоду.

В ситуации резкого ухудшения отношений взаимоотношений России и Запада в середине 2000-х годов по известным причинам на смену «золотому веку разоружения» пришел глубокий кризис процессов контроля над вооружениями, что не может не вызывать тревогу в плане усиления ядерных рисков [14], [22]. Эпоха разоружения как бы закончилась, нависает угроза гонки стратегических вооружений между США, Россией и Китаем. Гонка ракетных вооружений в Европе уже началась. Сегодня меняется философия и практический вектор контроля над вооружениями. В отличие от эпохи «холодной войны» или дипломатии Л.И. Брежнева контроль над вооружениями, как и лозунг «мира во всем мире», сейчас в публичных нарративах и повседневной государственной практике особо не популярен и политически не приоритетен - главное, по крайней мере для Москвы, - не допускать «стратегического поражения России» или какого либо ущемления ее суверенитета, признаков неуважения к ее жизненным интересам безопасности⁴⁶. Однако, несмотря на эти трудности, проект *arms control idea* еще не окончательно похоронен, он в принципе может продолжаться и успешно развиваться. Поскольку, следует всё же признать, представляет действия контрагента более понятными и предсказуемыми, обеспечивает механизмы мониторинга и верификации, предотвращая возможные конфликты или урегулировав их, позволяет совместными усилиями нивелировать возникающие угрозы. Это дает повод для оптимизма и надежды.

Повестка дня на завтра

«Второе пришествие» Д. Трампа ознаменовало помимо прочего - как проявление тенденции деглобализации и стремления американской элиты, (прежде всего в передовых секторах, например в Силиконовой долине), к реиндустриализации в качестве инструмента

⁴⁶ Примечательно как трансформация названий подразделения МИД РФ отражает эволюцию официального у нас подхода к данной тематике: Управление по проблемам ограничения вооружений и разоружения, Департамент по разоружению и контролю за военными технологиями - Департамент по вопросам безопасности и разоружения, а сегодня - Департамент по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями (ДНКВ МИД РФ).

обеспечения/сохранения мирового превосходства и изменения подходов к вопросам стратегической стабильности, глобального миропорядка, к ядерному оружию и алгоритмам его контроля. Даже после ухода этого неординарного политика такая система взглядов на эту проблематику у внушительной части руководящих кругов США будет, думается, иметь тенденцию к сохранению как гарантии американского лидерства в мире в противостоянии таким вызовам как Китай, Россия и ряд стран-изгоев (Иран, КНДР, Венесуэла и т.п.). Все это подается администрацией как выполнение требований широко понимаемой национальной безопасности. Уже ряд первых шагов администрации, однако, не может не настораживать. Например, решение вернуть крылатые ракеты большой дальности морского базирования SLCM-N в ядерном оснащении, от которых ранее отказались. Или идея сохранять на части БРПЛ «Трайдент-2» боеголовки W-93 пониженной мощности, явно для применения в какой-то «ограниченной» ядерной войне. И наиболее озабочивающий нас амбициозный проект многоуровневой системы противоракетной обороны «Золотой купол» – своего рода возвращение к «Стратегической оборонной инициативе» 2.0 – уже с использованием искусственного интеллекта и космических элементов базирования. Тем не менее полагаем важным, что Трамп теперь предложил «серьезно сократить ядерные арсеналы России и США», а вместе с этим и сократить военный бюджет⁴⁷. Сейчас не время вспоминать сколько договоров по контролю над вооружениями Трамп порушил или насколько он некомпетентен в этих вопросах, – а использовать его «порыв» к уменьшению роли ядерного оружия в наших стратегических интересах. Заявления о необходимости «денуклеаризации» навеяны, видимо, скорее вспомнившейся неудачной попыткой ликвидации ядерного оружия КНДР. Демократические эксперты считают, что Трамп плохо понимает, о чем говорит, не имеет какого-то представления о том, что стратегическая стабильность вообще означает, а специалисты, которые могли бы посоветовать ему по данной теме – в его команде просто отсутствуют.

Однако, думается, необходимо использовать этот позитивный вектор политики Трампа, ибо он реально может привести к завязыванию наконец реального диалога о снижении рисков ядерной угрозы и укреплении пошатнувшейся стратегической стабильности – разумеется, если он готов будет от слов перейти к делу. К переговорному процессу Трамп по-прежнему мечтает привлечь и Китай. Полагаем «окно возможностей» нам надо было бы использовать тем более, что оно, видимо, открылось ненадолго. Действовать придется с учётом видимого намерения России и США в целом сохранять масштабы стратегических ядерных сил (развернутых боезарядов и носителей) на уровне потолков Нового (Пражского) Договора какое-то время после прекращения срока его действия в феврале 2026 г. до достижения потенциальных каких-то новых договоренностей по СНВ (однако при известной и усиливающейся аргументации в США, что они не могут обещать ограничение своего ядерного оружия пока не проявятся перспективы пугающего их наращивания стратегического арсенала КНР). Сохранение потолков можно аргументировать необходимостью тактической паузы для прояснения перспектив развития/модернизации ядерных потенциалов сторон, а также изучения возможностей инициативно наметить новые направления и параметры возможных ограничений СЯС, разумеется, если двусторонние отношения будут такое позволять нам.

Потенциальный преемник Нового Договора о СНВ мог бы включать в себя следующие ключевые элементы⁴⁸:

1. В будущем соглашении теоретически можно было рассмотреть возможность установления нового **предельного количества развернутых стратегических ядерных**

⁴⁷ Trump Says U.S. Is Open to Nuclear Talks. Arms Control Association. March 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2025-03/news/trump-says-us-open-nuclear-talks> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴⁸ Мизин В.И., Севостьянов П.И., Матюхин А.В. Позиции России и США по вопросам ядерной безопасности и перспективы новых договоренностей // Журнал политических исследований. – 2024. – Т.8. – № 1. – С. 103-114. [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/81392/view> (дата обращения: 30.09.2025).

боезарядов России и США. Однако, с учетом настроений в военно-политических кругах обеих стран это вряд ли реально, успехом было бы сохранение лимитов Нового ДСНВ 2010 г. в 1550 развернутых ядерных боезарядов СНВ. Соглашение должно, как полагают американские эксперты, охватывать все развернутые и неразвернутые боезаряды стратегических наступательных вооружений, а также и субстратегическое («тактическое») ядерное оружие, что для нас неприемлемо. Во время переговоров по договору также можно было бы договориться - на время их ведения и до согласования новых ограничений - о замораживании общего количества ядерного оружия в арсенале каждой из сторон.

2. Россия заявила о своей готовности включить свои три новые системы («Авангард», «Кинжал» и «Сармат») в это потенциальное будущее соглашение – «СНВ плюс».

3. Американские представители предсказуемо, как можно ожидать, станут также требовать охвата будущим договором всех новых российских систем, озвученных президентом В.В. Путиным в 2018 г. и так взволновавших Пентагон, (в частности, «Буревестник», «Посейдон»). Несмотря на то, что даже в Новом Договоре СНВ, как и в СНВ-1, нет согласованного определения понятия «стратегический» (традиционно, в идеологии контроля над стратегическими вооружениями, доказанной характеристикой такого оружия была его способность достигать территории другой вовлеченной стороны). Вместо этого в Договоре перечислены все существующие системы СНВ с указанием, как определять возможные «новые виды» таких вооружений в будущем в ходе консультаций в Двусторонней консультативной комиссии (статья V)⁴⁹. Кроме того, российские военные традиционно выступают против охвата каким-то новым соглашением по СНВ наших гиперзвуковых систем большой дальности, равно как и суб-стратегических вооружений, - что также станет вероятным требованием американцев, - но, возможно, будут не против включения в будущие ограничения систем РСМД. По мнению российских экспертов, инициатива о включении суб-стратегического ядерного оружия в общий потолок ядерных вооружений потенциально могла бы обсуждаться, если бы США когда-нибудь отказались от своей программы стратегической противоракетной обороны, или хотя бы поддавались проверке её возможные ограничения.

4. Возможный «договор-продолжатель» по теме СНВ мог бы зафиксировать и запрет на крылатые ракеты любого типа (ядерные и обычные) с дальностью действия более 600 км. В Согласованных совместных заявлениях от 1 июня 1990 г. к Договору СНВ-1 1991 г. Советский Союз и США ограничили количество развернутых ядерных крылатых ракет морского базирования на ударных ядерных подводных лодках до 880 км. без соглашения о проверке, - но с договоренностью о ежегодным обмене планами их развертывания⁵⁰. Возможное последующее соглашение по СНВ, в русле данного ранее обязательства, теоретически могло бы содержать положение об обязательстве обмениваться ежегодными уведомлениями о планируемом количестве всех типов таких ракет, а также о типах надводных кораблей, подводных лодок и военно-морской авиации, способных их нести [14, с. 93]. Запрет на ядерные крылатые ракеты морского базирования можно было бы проверить на основе опыта экспериментов 90-х гг., что проще, нежели оценивать соблюдение каких-то общих количественных лимитов на крылатые ракеты подобной дальности. Однако администрация Д. Трампа стремится возродить создание ракеты «Томагавк» с ядерной боеголовкой - SLCM-N, что делает тематику крылатых ракет весьма проблематичной в плане каких-то ограничений.

⁴⁹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵⁰ Joint Statement on the Treaty on Strategic Offensive Arms, in: Some Key Agreements Reached. At The U.S.-Soviet Summit: Washington, D.C. May 31-June 3, 1990. Цит. по: Monitoring Limits on Sea-Launched Cruise Missiles. OTA Report. September 1992, p. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.princeton.edu/~ota/disk1/1992/9226/9226.PDF> (дата обращения: 30.09.2025).

5. Споры по поводу дальности полета российской крылатой ракеты 9М729 и подозрения России в возможном использовании систем противоракетной обороны «Aegis Ashore» для запуска крылатых ракет, которые были позже подтверждены испытательным полетом крылатой ракеты «Tomahawk» из наземной пусковой установки «Mark 41» 18 августа 2019 г., похоронили Договор по РСМД по инициативе Д. Трампа. Кроме того, принятое НАТО в 2024 г. решение о размещении в Европе ракет наземного базирования в обычном оснащении затрудняет возрождение этого договора. Возможно, стоит подумать о каких-либо мерах по удалению объектов по размещению таких ракет от ядерных хранилищ. С другой стороны, рассмотрение предложения России 2020 г. об отказе от размещения ракет средней и меньшей дальности в западной части России в обмен на не размещение американских ракет средней и меньшей дальности в Европе гипотетически могло бы стать основой для переговоров. Однако, согласовать запрет может оказаться сложным, поскольку Россия продолжает разворачивать 9М729, утверждая, что это не ракета средней дальности, а армия США приступила к разворачиванию в АТР ракетной системы "Тайфун" с крылатыми ракетами наземного базирования "Томагавк" и ракетами SM-6 средней дальности и готовится сделать это в Германии в 2026 г.

6. **Стратегическая противоракетная оборона.** Давняя проблема остается непреодолимой, как бы по-прежнему игнорируя многочисленные инициативные идеи ее решения в экспертном сообществе России, США и стран НАТО, да и озабоченность политиков и дипломатов за рубежом. Российская позиция последовательно утверждала, что продолжающееся совершенствование США своих систем стратегической противоракетной обороны подрывает стратегический баланс, закрепленный в Новом Договоре по СНВ, заявляя, что он может быть жизнеспособным только в том случае, если Соединенные Штаты воздержатся от количественного или качественного развития своего потенциала стратегической противоракетной обороны. Россия рассматривает стратегические наступательные и оборонительные системы как неразрывно, органически связанные, когда количественные и качественные изменения в одной из таких сфер требуют и корректировки в другой. Однако, из-за трудностей с реальным продвижением каких то предложений о контроле или лимитах на системы и программы ПРО в Конгрессе США, в ближайшей перспективе такие технологии будут, видимо, развиваться своим чередом, включая в глобальной системе не только EDI, Aegis Ashore и THAAD, но и «Золотой купол», а Россия и Китай обеспечат действенные средства сдерживания своими стратегическими контрмерами в области СНВ. На практике противоракетная оборона США в настоящее время не способна создать какой-либо реальной угрозы для ответного удара КНР и России. Следовательно, потенциал ядерного сдерживания этих двух главных стратегических противников Соединенных Штатов сохранится. Нынешнее количество американских стратегических противоракетных комплексов-перехватчиков меньше, чем предусмотрено Договором по ПРО 1972 г., который действовал в течение 30 лет. При этом, принимая во внимание невозможность разработать и развернуть 100% надежную систему противоракетной обороны, несмотря на огромные затраты, нельзя исключать начало рассмотрения проблематики стратегической противоракетной обороны в рамках будущих переговоров по СНВ.

7. Хотя понятие «**новая технология**» не имеет согласованного общепринятого стандартизированного значения в военных кругах и сфере национальной безопасности, ясно, что оно охватывает проблематику кибервойны, противоспутникового оружия и боевых систем с использованием искусственного интеллекта. Поскольку подобные новомодные виды систем вооружений могут и, скорее всего, будут широко применяться ведущими державами, включая и задачи управления их ядерными силами, это потребует внесения корректировок в подходы к параметрам обеспечения надежности стратегической стабильности. Стратегические отношения между Россией, Китаем и США уже порождают опасения экспертов по поводу того, как эти страны планируют использовать свои новые неядерные стратегические вооружения - в том числе для кибератак на стратегические

военные объекты и компьютерные сети, центры критически важной инфраструктуры, а также о возможностях противокосмического оружия, высокоточных ракет большой дальности с обычными боеголовками и средств противоракетной обороны в будущих конфликтах. Уже есть предложения экспертов о возможном запрете противоспутникового и кибероружия [26].

Было бы крайне полезно рассмотреть на экспертном уровне возможности по регулированию наращивания **новых видов вооружений (различные БПЛА, гиперзвуковые, противоспутниковые, кибероружие)** и т.п., а также вопрос о недопустимости алгоритмов и процедур запуска ядерного оружия, которые предполагали бы исключение человеческого фактора и автоматизацию его применения на основе решений и команд искусственного интеллекта⁵¹. Ведь кибератаки потенциально могут подрвать ядерное сдерживание и стратегическую стабильность. Кибератака может привести к запуску баллистических ракет или подтолкнуть к принятию решения о применении ядерного оружия. За последние десятилетия зафиксированы кибератаки с целью саботажа на ядерные объекты Ирана, что приводило к серьезным последствиям. Было бы целесообразно разработать конкретные меры укрепления доверия, стандартов и механизмов управления данными, дефиниций и мониторинга кибератак на международном политическом уровне, включая согласование соответствующих документов в рамках функционирования рабочих групп, занимающихся вопросами кибербезопасности в ООН, а также расширения практики конфиденциальной двусторонней кибердипломатии - на основе взаимодействия прежде всего основных «игроков» - России, США и КНР, но и при участии всех заинтересованных государств. Что касается систем, основанных на искусственном интеллекте (ИИ), то есть экспертных программах обработки данных и управления, а также алгоритмах компьютерного обучения, то это должно, очевидно, стать предметом будущих российско-американско-китайских дискуссий о стратегической стабильности.

8. Важно и согласовать отказ от противодействия работе систем **СПРН** [13]. Можно и вернуться к планам почти тридцатилетней давности учреждения **Совместного центра обмена информацией о ракетных пусках и раннего предупреждения**, принимая во внимание необходимость исключения возможности и последствий ложного предупреждения о ракетном нападении и предотвращения возникновения последующего непреднамеренного ядерного конфликта.

9. Что касается других возможностей, то Россия и США могли бы подтвердить приверженность советско-американскому соглашению о предотвращении ядерной войны 1973 г. и укрепить его с учетом новых реалий. Китай, Россия и США могли бы подробно обсудить свои **ядерные доктрины и стратегии**, взгляды на будущее ядерного оружия и своего стратегического взаимодействия. Сделать этого нам с США логично было бы на пока что невозобновленных, несмотря на сигналы от Трампа, консультациях по стратегической стабильности.

10. Москва и Вашингтон могли бы также обменяться мнениями о том, как следующее соглашение по СНВ могло бы регулировать и **системы обычных высокоточных вооружений большой дальности**.

Помимо эвентуальных двусторонних инициатив, можно было бы максимально активизировать рассмотрение **ядерной проблематики в многостороннем формате** - прежде всего, уже ведущееся между пятью ядерными державами-постоянными членами СБ ООН. На сегодня это, пожалуй, наиболее действенная площадка взаимодействия по проблематике контроля над ядерными вооружениями - с учетом стагнации работы Конференции по разоружению в Женеве и пока что отсутствия российско-американского реального дипломатического обсуждения вопросов СНВ и стратегической стабильности. Возможно,

⁵¹ Rautenbach P. On Integrating Artificial Intelligence with Nuclear Control. Arms Control Today. September 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2022-09/features/integrating-artificial-intelligence-nuclearcontrol#:~:text=Although%20automation%20and%20basic%20artificial,bias%20in%20nuclear%20decision%20making> (дата обращения: 30.09.2025).

было бы эффективнее использовать дипломатические каналы ведущих ядерных держав, чтобы призвать несогласные с ДНЯО страны сделать больше в плане прозрачности, мер укрепления доверия и содействия стратегической стабильности (в ходе вероятных двусторонних американо-израильских, российско-индийских и китайско-пакистанских военных дискуссий). Это включало бы в себя поиск обязательств по соблюдению моратория на ядерные испытания до ратификации ДВЗЯИ.

Одновременно было бы нереалистично добиваться прямого участия Китая в каких-то будущих прогнозируемых трехсторонних переговорах по контролю над вооружениями в краткосрочной перспективе.

Выводы

Приходится с сожалением констатировать, что, несмотря на отдельные отрывочные сигналы⁵², - по-прежнему отсутствуют реальные перспективы восстановления конструктивного диалога между Россией и США по контролю над ядерными вооружениями. Нет сомнений в том, что взаимоотношения Москвы и Вашингтона сейчас существенно отличаются от тех, когда были достигнуты предыдущие соглашения об ограничениях по СНВ. Возможно, сейчас ситуация более волатильна и даже опасна, чем все кризисы холодной войны, за исключением самых серьезных.

Справедливости ради следует признать, что контроль над вооружениями не пользуется у нас в политическом элитарном классе большой популярностью - за исключением узкой группы профессионалов, которым приходится доказывать его полезность и не равнозначность предательству национальных интересов. Тем не менее, полагаем, в интересах нашей собственной безопасности осознать, что контроль над вооружениями направлен именно на снижение рисков развязывания большой - ядерной войны, повышение предсказуемости и транспарентности, не прямое укрепление стратегической стабильности, в конечном счете, снижение издержек. Российской дипломатии - в плане дальнейшего повышения международного престижа нашей великой державы - было бы неплохо, вспомнив советский опыт прошлого, подкреплять на деле накопленный ранее задел в плане «мягкой силы» и продвигать далее имидж убежденного сторонника и инициатора процессов контроля над вооружениями как гаранта укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, не давая кому бы то ни было перехватывать эту повестку. Очевидно, для возрождения таких процессов контроля над самыми приоритетными - ядерными вооружениями необходима и прочная нормализация политических взаимоотношений России и США.

Остается только надеяться, что ведущим мировым державам, несущим ключевую ответственность за бескризисную эволюцию миропорядка, удастся в той или иной форме координирования своих действий успешно продвигаться по пути снижения рисков ядерной войны, поддержания глобальной стратегической безопасности и повышения предсказуемости развития и не провоцирующего характера своих программ вооружений. Всё это вполне реально при наличии государственной мудрости, доброй воли и взаимопонимания.

⁵² The US expects to engage with Russia soon for a discussion of prospects for nuclear disarmament, US President Donald Trump said. TASS. July 25, 2025. [Электронный ресурс]. URL. <https://tass.com/world/1994415> (дата обращения: 30.09.2025); Путин допустил выход на договоренности по СНВ в рамках диалога с США. РБК. 14 августа 2025 г. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.rbc.ru/politics/14/08/2025/689dc1af9a7947e9e1b34622>. (дата обращения: 30.09.2025).

Литература

1. Антонов А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. - М.: РОССПЭН. ПИР-Центр. - 2012. - 245 с.
2. Арбатов А.Г. Разоружение в истории и современности: теория vs. практика // Полис. Политические исследования. - 2024. - № 5. - С. 24-45.
3. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. - М.: Весь мир. 2021. - 430 с.
4. Арбатов А.Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. - 2019. – Т. 63. - № 1. - С. 5-16.
5. Батюк В.И. Новая российско-американская гонка ядерных вооружений // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2020. - Т. 50. - №. 2. - С. 78-96.
6. Богданов К.В. Стратегическая стабильность: динамика и факторы трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2022. – Т.14. - № 4.- С. 7-47.
7. Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XX века. - М.: РОССПЭН. - 2021.- С. 31-38.
8. Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. - 2019. - Т. 63. - № 8. - С. 5-22.
9. Золотарев П.С. О подходах к обеспечению кибербезопасности систем управления ядерным оружием // США и Канада: экономика, политика, культура. - 2020. - Т. 50.- № 10. - С. 5-25.
10. Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. - 2018. - №4.- С. 7-21.
11. Мизин В.И. Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. – 2020. - Т. 18. - № 2. - С.141–168. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.8.
12. Мизин В.И. Перспективы российско-американского диалога по стратегической стабильности и Договору по СНВ // Общественные науки и современность. – 2025. - № 1. С. 50-66. DOI 10.31857/S0869049925010047.
13. Acton J. Escalation through entanglement: How the vulnerability of command-and control systems raises the risks of an inadvertent nuclear war. // International security. 2018, V. 43, I. 1, pp. 56-99.
14. Brooks L.F. The End of Arms Control? // Daedalus. 2020, V. 149, I. 2, pp. 84-100.
15. Deep Cuts Commission Working Paper, How to Address all Nuclear Weapons? Hamburg. 2 July 2024.
16. Gallagher N. Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century. // The Nonproliferation Review. 2016. V. 22, I. 3-4, pp. 469–498.
17. Gottemoeller R. The Future of Arms Control. Rethinking Nuclear Arms Control. The Washington Quarterly. 2020, V. 43, I.3, pp. 139–159.
18. Ifft E. Beyond New START with an introduction by Amb. James E. Goodby. Beyond New START: Addendum. Hoover Institute. 2024.
19. Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York. Praeger, 1965. 308 p.
20. McNamara R. The Essence of Security: Reflections in Office. New York. Harper Row, 1968. 176 p.
21. Miller S.E., Legvold R., and Freedman L. Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in a Changing Global Order American Academy of Arts & Sciences. 2019.
22. Miller S.E. Hard Times for Arms Control What Can Be Done? The Hague Centre for Strategic Studies. February. 2022.
23. Pifer S. The US and Russia must re-assess their strategic relations in a world without New START. Bulletin of Atomic Scientists. June 13, 2023.

24. Rogers J., Korda M., Kristensen H. Nuclear Notebook: The long view Strategic arms control after the New START Treaty. *Bulletin of Atomic Scientists*. November 9, 2022, pp. 347-368.
25. Schelling T. & Halperin M. *Strategy and Arms Control*. New York. Twentieth Century Fund. 1961.
26. Timbie J. A Way Forward. *Daedalus*. V. 149, I.2, 2020, pp. 190-204.
27. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. 1959, V. 37, I. 2, pp. 211–234.

References

1. Antonov A.I. Kontrol' nadvooruzheniyami: istoriya, sostoyanie, perspektivy [Control over arms: history, state, prospects]. Moskva, Rossspan PIR Center Publ., 2012, 245 p. (In Russian).
2. Arbatov A.G. Razoruzheniye v istorii i nastoyaschem: teoriya i praktika. [Disarmament in history and at present: theory vs. practice]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political studies]. 2024, I. 5, pp. 24-45. (In Russian).
3. Arbatov A.G. Strategicheskaya stabil'nost' – oruzhie i diplomatiya [Strategic stability – weapon and diplomacy]. Moskva, Ves' Mir Publ., 2021. (In Russian).
4. Arbatov A.G. Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami. [Dreams and realities of arms control]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyetnosheniya [World economy and international relations]. 2019, V. 63, I. 11, pp. 5-16. (In Russian).
5. Batyuk V.I. Novaya rossiysko-amerikanskaya gonka yadernykh vooruzheniyami [The new Russian-American nuclear arms race]. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2020, V. 50, I. 2, pp. 78-96. (In Russian).
6. Bogdanov K.V. Strategicheskaya stabil'nost': dinamika i faktory transformatsii. [Strategic stability: dynamics and transformation factors]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics]. 2022, V. 14, I. 4, pp. 7-47. (In Russian).
7. Bubnova N.I. Voenno-politicheskiy kurs SSha vo vtorom desyatiletii XX v. [The military-political course of the USA in the second half of the 20th century]. Moskva, ROSSPEN. 2021, pp. 31-38. (In Russian).
8. Dvorkin V.Z. Vliyanie sistem PRO na strategicheskuyu stabil'nost' i perspektivy yadernogo razoruzheniya [The impact of missile defense systems on strategic stability and prospects for nuclear disarmament]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]. 2019, V. 63, I. 8, pp. 5-22. (In Russian).
9. Zolotarev P.S. Approaches to ensuring the cybersecurity of the nuclear weapons control systems. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. [USA and Canada: economics, politics, culture]. 2020, V. 50, I. 10, pp. 5-25. (In Russian).
10. Kokoshin A.A. Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoy obstanovki. [Strategic stability in the conditions of critical aggravation of the international situation]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political research]. 2018, I. 4, pp. 7-21. (In Russian).
11. Mizin V.I. Novye Kontury Strategicheskoi Stabiliti v Globalnoi Mnogopolyarnoi Konkurentzii. [Outlines of Strategic Stability in Global Multipolar Competition]. Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]. 2020, V. 18, I. 2, pp. 141-168. DOI:10.17994/IT.2020.18.2.61.8. (In Russian).
12. Mizin V.I. Perspektivy Rossisko-Amerikanskogo dialoga po strategicheskoi stabilnosti i SNV. [Prospects of Russian-American Dialogue on Strategic Stability and START]. Obschestvennyie Nauki i Sovremennyyi Mir [Social Sciences and Contemporary World]. 2025, I. 1, pp. 50–66. DOI 10.31857/S0869049925010047. (In Russian).
13. Acton J. Escalation through entanglement: How the vulnerability of command-and control systems raises the risks of an inadvertent nuclear war. *International security*. 2018, I. 43 (1), pp. 56-99.
14. Brooks L.F. The End of Arms Control? *Daedalus*. 2020, V. 149, I. 2, pp. 84–100.

15. Deep Cuts Commission Working Paper, How to Address all Nuclear Weapons? Hamburg. 2 July 2024.
16. Gallagher N. Re-Thinking the Unthinkable: Arms Control in the Twenty-First Century. *The Nonproliferation Review*. 2016, V. 22, I. 3–4. pp. 469–498.
17. Gottemoeller R. The Future of Arms Control. *Rethinking Nuclear Arms Control. The Washington Quarterly*. 2020, V. 43, I. 3, pp. 139–159.
18. Ifft E. Beyond New START with an introduction by Amb. James E. Goodby. *Beyond New START: Addendum*. Hoover Institute. 2024.
19. Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York. Praeger. 1965. 308 p.
20. McNamara R. *The Essence of Security: Reflections in Office*. New York. Harper&Row, 1968. 176 p.
21. Miller S.E., Legvold R., and Freedman L. *Meeting the Challenges of the New Nuclear Age: Nuclear Weapons in a Changing Global Order* American Academy of Arts & Sciences. 2019.
22. Miller S.E. *Hard Times for Arms Control What Can Be Done?* The Hague Centre for Strategic Studies. February 2022.
23. Pifer S. The US and Russia must re-assess their strategic relations in a world without New START. *Bulletin of Atomic Scientists*. June 13, 2023.
24. Rogers J., Korda M., Kristensen H. Nuclear Notebook: The long view Strategic arms control after the New START Treaty. *Bulletin of Atomic Scientists*. 2022, November 9, pp.347-368.
25. Schelling, T.& Halperin, M. *Strategy and Arms Control*. 1961. New York. Twentieth Century Fund, 1961.
26. Timbie J.A *Way Forward*. *Daedalus*. 2020, V. 149, I. 2, p. 190-204.
27. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror. *Foreign Affairs*. 1959, V. 37, I. 2, pp. 211-234.